

Родился в 1964 году в Ленинграде. Поэт. Член 9-й секции Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии «От музыки» (2006). Неоднократный победитель петербургского поэтического слэма (2008, 2009, 2010, 2011, 2012). Печатался в «Литературной газете», журналах «Звезда» и «Нева», альманахах «Незамеченная земля», «Камера хранения», «Петербургская поэтическая формация» и др. Переводился на существующие и вымышленные языки. Автор нескольких поэтических сборников: «Ловитва» (1992), «Взбирающийся лес» (1998), «Коллекционер: Волшебные стихи» (2004), «Морская» (2007), «Кунштюк» (в соавторстве с Михаилом Болдуманом и Линой Лом, 2008), «Колотун» (2009), «От Болды» (2012). Сборник стихотворений «Огненный факт», вышедший в 2009 году, пользовался особым успехом и принес автору нежданную славу «самого дорогого поэта России».

«Евгений Мякишев продолжает в поэзии обэриутскую насмешливую, абсурдистскую, ироническую линию. Однако, как и у обэриутов, насмешничество и ирония Мякишева в любой момент могут обернуться классической строгостью. Ирония, гротеск, сильная сюрреалистическая образность, умение описывать вещный, реальный мир — все это сближает поэтику Евгения Мякишева с поэтикой одного из самых ярких обэриутов, Николая Заболоцкого» (Никита Елисеев).

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛЁТ

На юг летела стая петухов,
Горланя бледнолицые закаты,
А рядом с нею стадо пастухов
Летело, оседлав кокарду хаты.

Матрена — инфантильная жена
Хмельного продавца сушёной рыбы —
Летела, чешуёй украшена,
Устроив на лице смешные грибы.

Работник пива Афанасий Фет
Летел, поникнув буйной головою,
Коровий парень Джон Саманта Фред
Летел, зарывшись в сено головою.

Растерянно скользил на животе
Любовник и подругу мял в объятьях,
Кухарка, глупо сидя на плите,
И барыня летела на полатях.

Повеса, деревенский сучий кнут,
И важные блюстители порядка
Летели молча, а какой-то плут
Вопил вослед: «Рогатку б, где рогатка?»

Летели даже те, кто не хотел,
И те, кому плевать на перелёты, —
Махал руками Люпус-винодел
И сыны Кампучии — патриоты.

А я сидел в светлице у окна
И делал вид, что сочиняю стихи.
За мной следила верная жена
И причитала: «Глянь, летают психи!»

ЗИМА

Вдоль российских полей продвигается дева нагая.
Эта дева — зима. И в руках у нее колотун
Из морёного дуба. О бёдра же бьется тугая,
Снегом полная сумка, а в сумке зевает колдун.

Это — юноша, узкий в плечах, аравийского типа,
Но вощёное тело его не скрывает гниющая шерсть,
Лишь из голени тянется мертворождённая липа,
Да злодейски сияют не два узких глаза, а шесть.

К Рождеству злая ель в деревенских хоромы прогоркших
Под когтистой лапою держит в плену старика
В бороде, красной шубе, с мешком, где подарков на грошик,
И Снегурочка рядом, и посох сжимает рука.

Это лживые куклы. А ель — непонятное дерево,
Ведь в российской ночи уж дубовый стучит колотун,
А над полем вращается холоднокровная дева,
А из сумки, зевая, глядит шестиглазый колдун.

КОЛДУН

Пастухи и пастушки на фоне тяжёлого стада
Занимаются тем, что играют по кругу в крокет.
Мимо мельник идет не спеша, вопрошая: «До ста, да,
Счёт ведёте в игре?.. Бог вам в помощь, хотя его нет!»

Молодая пастушка с лицом удивительно длинным —
И созвучным природе, поскольку природа длинна,
Отвечает ему: «Нас застал за занятъем невинным —
Сам же ересь несешь, знать, попутал тебя сатана!»

Ухмыляется мельник, скрываясь за ельником ближним,
Бьёт по кочкам клюкой и бормочет проклятья под нос:
«Эх, живу я, как пёс, и не верю во встречу с Всевышним —
Всё мне мерзко вокруг... лучше б в землю по пояс я врос;

Стал бы деревом хвойным, а лучше уж камнем замшелым,
Не губил бы пшеницу, её превращая в муку!
Вот, к примеру, сии пастухи занимаются делом
Безобидным и глупым...» — тут мельник ломает клюку

О неясную кочку — случайно и, тотчас замолкнув,
Погружается в землю — точнее, в болото — по грудь,
А поскольку он порист, как губка, мгновенно намокнув,
Исчезает в трясине. Так в чем же тут, собственно, суть?

Не ищи её здесь, многомудрый пыливый читатель,
Эта сказка — лишь бред воспалённого мозга — ужель
Интересна она? — Нет, конечно, и видит Создатель:
Я лишь время терял, заполняя во времени щель.

* * *

Анита, мы встретились в точке зенита —
Точнее, на Невском проспекте, в июле.
Была ты свежа, в волосах твоих гниды
Отнюдь не водились. В заплечном бауле
С собой не несла ты по жизни — пожитки,
А плавно струилась над мягким асфальтом
Сама по себе — не в стеклянной кибитке,
Не с фраером стрёмного вида, не с франтом!
С тобою мы были предельно правдивы
На собственных — в целом неровных орбитах,
Где луны свои вызывают приливы,
А солнца — свои. Так бывает, Анита.
И я осторожно спешу приобщиться
К искусству высоких полетов сознания,
А вовсе не просто хочу протащиться
Посредством фигуры твоей осязанья...
Качнётся ль, как флюгер, мой жизненный вектор
На питерском небе с оттенком гранита,
И точки зенита над Невским проспектом
Сместятся ль? Быть может. Кто знает, Анита!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ *

Кто там рыщет вдоль оврагов
В тёмных роговых очках?
Землю колупнёт корягой,
Оросит из фляги влагой
И умчится на скачках.

То — таинственный геолог,
Безмянный почвовед.
Завернувшись в хвойный полог,
Он не чувствует иголок,
Он лежит и видит свет.

Он живёт в лесу безгрешно,
Изучая местный грунт,
Недотошно и неспешно.
Есть в нем золото? Конечно,
На два пуда — целый фунт.

Ветхим пологом из хвои
Тело гибкое своё
Он скрывает от конвоя —
И конвой уходит, воя,
На плечо взвалив ружьё.

Но не ценные металлы
Привлекли его сюда —
Где сосна расти устала,
Где грибы под ней, как фаллы,
И, как смоль, черна вода.

Он ловитель совьих криков,
Собиратель вещей тьмы,
Изучатель лунных бликов,
Дряхлых пней древесных ликов,
Насекомой кутерьмы.

Но приходят следопыты —
Бескорыстные сердца,
Небогаты и небриты —
Им пути его открыты
От начала до конца:

Теорема глинозёма
Или формула сосны,
Листопада аксиома
Или лемма бурелома,
Или правило весны.

А когда златые слитки
Вдруг привяжутся ему,
То его движенья притки,
И в невидимой кибитке
Он скрывается во тьму.

ЛОПУХ

Я не стал узловатым и жёстким, не покрылся морщинистым мхом,
Я остался шершавым и плоским — в деревенском саду — лопухом.
Я торчу над землёй одичалой, приподнявшись на пару вершков,
Наслаждаясь природой усталой, шевеля бородой корешков.
Надо мною склонялся ботаник, изучая строенье моё,
Об меня вытирало ботинок городское срамное бабье,
Несуразный суровый геолог мною сморщенный зад подтирал,
Тёмной ночью на мне комсомолок молодой партработник барал...
Лето минуло, осень полощет пожелтевшее тело моё —
Ей, видать, полоскать меня проще, чем рачительной прачке — бельё.
Мною ползают сонные мухи, белых мух предвещая покров,
Всё ужасней картина разрухи, и закат надо мною багров.
Впереди — не научный гербарий, не зелёное ложе для баб
И не участь подтирки для парий, а постылый промёрзлый ухаб...
Только б корни мои, корешочки, кореша, корефаны мои
В земляном неглубоком мешочке превозмочь бы морозы смогли —
Я бы ласковым вновь и широким по весне улыбался лицом
И не стал узловатым, жестоким стариком, а остался юнцом,
И торчал над землёй плодоносной на не то что вершок — на аршин! —
Возвышая свой стебель бескостный выше косных навозных вершин,
Чтоб опять деревенские девки крутобёдрой сбегались гурьбой, —
И тогда бы я смог — не за деньги — насладиться их тел голытьбой.
Замечая в изломах событий и физических сил круговерть,
И магнитные токи соитий, и земли ощутимую твердь,
И чарующий дым пепелища, и проворные струи воды...
Сыщет разум достойную пищу до последней упавшей звезды!

ПИСЬМО

Е. Ворсулевой

Дорогая Лена, догорает лето —
Осень тихой сапой бродит по округе.
Зыбкие туманы — верная примета
И дождей сентябрьских, и февральской вьюги.

На горе в избушке я сажу на лавке —
Преодо мною книжка и баклажка чая.
Я живу, как Пушкин в Болдинской отставке, —
Стихики слагаю, по тебе скучая.

Поутру — проснувшись — выбегаю в поле
Босиком по травке к роднику — умыться,
А не так, как раньше, шастал с перепоя
С рожей посиневшей, чтоб опохмелиться!

Днём иду за хлебом в лавку на перроне —
Слушаю занятный телефонный зуммер,
Вечером доступны рифмы и перо мне,
Ночью — сон покойный, сплю — как будто умер.

Приезжай в субботу — привези в подарок
Солнечных улыбок, удивлённых взоров!
Вечером туманным августа огарок
Озарит перины ближних косогоров.

* * *

В. Шубинскому

Ни криволинейный, расчерченный мрак,
Ни сонный осенний мороз,
Ни полной луны постоянный маяк
Нас не поведут под откос.
Казённых домов на пути короба
Не скроют в ловушках навек —
Петляет окольная наша тропа,
Чащобы готовят ночлег.
Под сиплое уханье духов лесных,
Сквозь шелест болотных осок,
Из угольных ям, из завалов ночных
Едва различим голосок
Невинной, но вечно виновной земли,
Манящей своих должников
Вернуть ей котомки её и кули
Мельчайших зыбучих комков,
Заёмных песчинок звенящую персть,
Но нам в назидание дан
В блужданиях кривых указующий перст
К незримым в потёмках садам.

CAPRICE

Г. Илюхиной

В Петербурге рождённому свойственна свежесть сорочки
Из матерой материи — тёртой трухи неживой.
На болотистой почве торчит, уцепившись за кочки,
Очарованный город, склонивший главу над Невой.

Неспроста, засмотревшись с моста на простудные воды,
Я внезапно увижу, как кружит над зеркалом бриз,
Разрывая в кривой амальгаме свинцовые своды
Петербургского неба — чухонский природный каприз.

Я увижу круги на воде от упавшего с моста,
Оскверненного северным взором прожжённого дня...
На другом берегу покачнётся Васильевский остров,
И тягучая тина течения слижет меня.